

болѣе правильномъ направленіи. Къ сожалѣнію, лучшіе наши беллетристы только слегка освѣщаютъ этотъ вопросъ, даютъ намъ, такъ сказать, только отдѣльные его странички. Такъ В. Г. Короленко, писатель, безспорно, съ большимъ талантомъ, почти не даетъ намъ ничего по части художественныхъ произведеній. Въ послѣднемъ своемъ разсказѣ, вѣришь отрывкѣ, «Въ облачный день», онъ коснулся въ высшей степени интересной темы: отношенія земскаго начальника къ крестьянамъ. Бывшій помѣщикъ, во время оно, большой либераль, герой разсказа ѣдетъ въ деревню на должность земскаго начальника, но это уже не тотъ либераль, какой онъ былъ прежде: теперь онъ охранитель, онъ толкуетъ спокойно о зуботычинахъ, о «мужланахъ», онъ не прочь и самъ «принажать», «проучить», и проч. Къ сожалѣнію, разсказъ обрывается очень круто и оставляетъ совершенно неудовлетвореннымъ читателя. Онъ только что вошелъ въ интересъ (примите во вниманіе художественность письма г. Короленко), ожидается съ полнымъ вниманіемъ, что авторъ откроетъ ему интересныя подробности изъ доподлинной русской жизни, а ужъ разсказъ конченъ. Тоже и г. Антошъ Чеховъ. Въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ» (Русская Мысль, апрѣль) онъ только намекаетъ намъ на новые ростки, пробивающіеся въ русской жизни, въ лицѣ Лиды и какъ противоположности ей — художникъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Чрезвычайно интересна сцена столкновенія убѣжденій Лиды со взглядами художника.

— «Князь обѣщалъ поднять въ губернскомъ собраніи вопросъ о медицинскомъ пунктѣ въ Малоземовѣ, но говоритъ: мало надежды. — И обратясь ко мнѣ (герою разска-

за, художнику) она (Лиды) сказала: извините, я все забываю, что для васъ это не можетъ быть интересно. Я почувствовалъ раздраженіе.

— Почему же не интересно? — спросилъ я и пожалъ плечами. — Вамъ не угодно знать мое мнѣніе, но увѣрю васъ, этотъ вопросъ меня живо интересуесть.

— Да?

— Да. По моему мнѣнію, медицинскій пунктъ въ Малоземовѣ вовсе не нуженъ.

Мое раздраженіе передалось и ей: она посмотрѣла на меня, прищуривъ глаза, и спросила:

— Что же нужно? Пейзажи?

— И пейзажи не нужны. Ничего тамъ не нужно.

— На прошлой недѣлѣ умерла отъ родовъ Анна, а если бы по близости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива. И господа пейзажисты, мнѣ кажется, должны бы имѣть какія нибудь убѣжденія на этотъ счетъ.

— Я ниѣю на этотъ счетъ очень определенное убѣжденіе, увѣрю васъ. — По моему, медицинскіе пункты, школы, библиотечки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только порабоженію. Народъ опутанъ цѣпью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья. Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнуть спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожатъ за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь боятся смерти и болѣзни, всю жизнь лѣчатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и въ вони; ихъ дѣти,

«Енисей» (Красноярск), 1896, 9 июня, №69 с.3.

Литературное обозрение

подрастая, начинают ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ—только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить».

Какъ видитъ читатель, г. Чеховъ задѣваетъ самыя существенныя стороны русской жизни. Къ сожалѣнію его рассказъ, такъ же, какъ и Короленко, только открываетъ край той большой завѣсы, которую бы слѣдовало открыть всю. Его рассказъ шевелитъ мозгъ, поднимаетъ въ головѣ тучу различныхъ вопросовъ, но читатель, тѣмъ не менѣе, не удовлетворенъ: авторъ не раскрываетъ ему всей жизни, не высказываетъ своихъ завѣтныхъ желаній, не помогаетъ, силою своего таланта, разобратся въ тѣхъ запросахъ, которыя ставитъ русская жизнь на очередь. Вотъ почему эти рассказы, при всей ихъ талантливости, не оставляютъ глубокой и серьезной полосы въ умѣ читателя, какія, напр., въ прежнее время оставлялъ Тургеневъ, разрабатывая въ романѣ цѣлое общественное явленіе въ его полномъ видѣ.

Сибирякъ.